ВАЛЕРИЙ КОРЕПИН

РЕКВИЕМ ПО ЗВУКУ

РОМАН

18+

Валерий Корепин

Реквием по звуку

«Автор»
2026

Корепин В. Д.

Реквием по звуку / В. Д. Корепин — «Автор», 2026

Элиана Соколова — лучший в Петербурге реставратор звука. В подвальной студии «Эхо» она по крупицам очищает старые магнитные ленты и восковые валики от вековой пыли, возвращая живым голоса тех, кого давно нет. Звук для неё — единственная форма бессмертия.Всё рушится в один ноябрьский рассвет, когда в её ушах поселяется тонкий высокочастотный звон, а врачебный приговор не оставляет надежды: слуховой нерв необратимо умирает. Пытаясь научиться дышать по ту сторону наступающей глухоты, Элиана сближается с Марком — глухим от рождения скульптором, для которого тишина не проклятие, а чистый и спокойный дом.Но чем глуше становится внешний мир, тем громче внутри её сознания начинают звучать спасённые ею чужие голоса. Пронзительный психологический роман о цене совершенства, хрупкости человеческой памяти, любви через стекло и о том, как звучит настоящая тишина.

© Корепин В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Воск и пыль 7
Часть I. Ускользающий спектр 9
Глава 1. Игла 9
Глава 2. Фактура 13
Глава 3. Брошюра 16
Глава 4. Мост из камня 19
Глава 5. Подвал и дерево 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Валерий Корепин
Реквием по звуку

Валерий Корепин
SetchatkaGlaza
РЕКВИЕМ ПО ЗВУКУ
Роман
2026

© Валерий Корепин / SetchatkaGlaza, 2026
18+
Для читателей старше 18 лет.
Содержит описания тяжёлых психологических состояний и самоповреждения.
Произведение является художественным вымыслом. Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

Содержание

Пролог. Воск и пыль
Часть I. Ускользающий спектр
Глава 1. Игла
Глава 2. Фактура
Глава 3. Брошюра
Глава 4. Мост из камня
Глава 5. Подвал и дерево
Глава 6. Резонанс
Глава 7. Камертон
Глава 8. Чужая кухня
Глава 9. Осциллограф
Глава 10. Дрейф
Глава 11. Чтение по губам
Глава 12. Чужие дубли
Часть II. За стеклом
Глава 13. Резец
Глава 14. Два брата
Глава 15. Частота
Глава 16. Протокол
Глава 17. Стекло
Глава 18. Гул
Глава 19. Голос на память
Глава 20. Абсолют
Глава 21. Слой
Глава 22. Помеха
Глава 23. Ритм
Глава 24. Спектр
Часть III. Чистый сигнал
Глава 25. Петля
Глава 26. Нож
Глава 27. Закрытая дверь

Глава 28. Изолятор
Глава 29. Передача
Глава 30. Пульс
Глава 31. Холод
Эпилог. Чистый сигнал

Пролог. Воск и пыль

Первым голосом, который Элиана вернула с того света, был голос её отца.

Ей тогда исполнилось двенадцать, а со дня похорон прошло чуть больше месяца — тот странный, вязкий срок, когда родственники уже перестают звонить каждый вечер, а вещи умершего ещё лежат на своих местах, будто хозяин просто задержался в командировке. В кабинете Николая Соколова пахло канифолью, сухой газетной бумагой и холодным табачным листом, въевшимся в корешки справочников по радиотехнике. Мать старалась туда не заходить: стоило приоткрыть дверь, как вид очков в роговой оправе, оставленных поверх раскрытой тетради с расчётами, заставлял её молча разворачиваться и уходить на кухню.

Элиана заходила ночью.

Она садилась на ковёр у нижней полки стеллажа, где под чехлом из пожелтевшего полиэтилена стоял старый катушечный «Олимп». Аппарат весил больше, чем она могла поднять, и в темноте походил на приборную панель затонувшего судна. В картонных коробках рядом хранились бобины с коричневой магнитной лентой — записи университетских лекций по акустике, радиоспектакли восьмидесятых годов, тестовые сигналы, размеченные отцовским мелким, наклонным почерком.

Одну катушку она нашла не на полке, а в ящике письменного стола, среди запасных предохранителей, мотка припоя и высохших фломастеров. Этикетки на ней не было — только полоска медицинского пластыря на ребре коробки и карандашная пометка: «Проба тракта. Ноябрь».

Элиана долго не решалась включить сеть. Ей казалось, что гул трансформатора непременно разбудит мать за стеной. Только к трём часам ночи, когда перестал ходить последний трамвай на проспекте и дом окончательно осел в зимнюю дремоту, она сняла чехол, по памяти продела свободный конец ленты мимо прижимного ролика, надела тяжёлые отцовские наушники с потрескавшимися кожаными амбушюрами и нажала клавишу пуска.

Сначала шёл только шум.

Он напоминал мелкий осенний дождь по жестяному отливу или шуршание сухого песка, высыпаемого из горсти. Амбушюры были велики ей, сползали на скулы и пахли отцовским одеколоном — горьковатым, древесным, уже почти выветрившимся. Элиана прижала чашки ладонями к ушам и закрыла глаза.

На четырнадцатой секунде сквозь шипение магнитного слоя проступил шорох ткани. Потом скрипнула пружина рабочего кресла — тот самый короткий, чуть надтреснутый звук, по которому она с детства определяла из коридора, в каком настроении отец. Следом раздался негромкий кашель, стук спичечного коробка о край пепельницы и ровный, удивительно близкий вдох.

— Раз, два… проверка левого канала, — негромко произнёс отец у самого её уха. — Низы опять заваливает на сорока герцах. Надо завтра поменять конденсатор на плате усилителя, иначе вся середина поплывёт.

Он замолчал, но магнитофон тогда не выключил. Ещё почти минуту на записи жила обыкновенная ночная комната трёхлетней давности: отец листал страницы, постукивал карандашом по дереву стола, тихо хмыкал чему-то своему, а за окном, тогда ещё не знавшим, что через две зимы его не станет, проехала поливальная машина или поздний грузовик.

Потом раздался сухой щелчок клавиши, и лента ушла в белёсый ракорд.

Элиана не сняла наушников. Она перемотала плёнку назад, нашла ту же отметку на механическом счётчике и включила снова. И ещё раз. К утру она знала наизусть каждую микроскопическую подробность этих пятидесяти восьми секунд: где на слове «конденсатор» чуть при-

свистывает дыхание, где за окном дважды звякает форточная петля от сквозняка, где между вторым и третьим ударом карандаша слышен едва различимый выдох усталого человека.

Тогда она впервые поняла то, чему позже не научил её ни один институтский курс звукорежиссуры.

Фотография всегда лгала: она вырывала из времени неподвижный слепок и сразу делала лицо чужим, застывшим, принадлежащим прошлому. Звук не застывал никогда. Пока крутилась катушка и бежала лента, человек не «был когда-то» — он дышал прямо сейчас, в настоящем времени, на расстоянии вытянутой руки, внутри живого колебания воздуха. И единственное, что стояло между этим дыханием и окончательным забвением, — тонкий, капризный слой окиси железа, который осыпался от сырости, пересыхал от тепла и зарастал шумом, если рядом не оказывалось никого, кто умел бы отделить голос от распада.

Прошло девятнадцать лет. Отцовский «Олимп» давно стоял в углу её собственной подвальной студии с перепаянными конденсаторами и вычищенным до зеркала лентопротяжным трактом. Через руки Элианы прошли сотни чужих архивов: обугленные кассеты из сгоревших квартир, диктофонные плёнки полярных станций, любительские бобины с голосами людей, от которых на земле не осталось даже надгробий.

Она привыкла думать, что шум всегда приходит снаружи — из пыли, старой изоляции, размагниченных головок, плохой пайки. Ей ни разу не приходило в голову, что однажды плёнка начнёт осыпаться внутри неё самой.

Часть I. Ускользающий спектр

Глава 1. Игла

Звук в подвальной студии «Эхо» обладал собственной, почти осязаемой плотностью. В этом помещении, отгороженном от старого кирпичного двора и трамвайной линии слоями акустического поролона, минеральной ваты и тяжёлых свинцовых мембран, не существовало того, что обычные люди называют тишиной. Тишина здесь всегда оставалась натянутой до предела перепонкой — паузой перед первым касанием, в которой уже жило ожидание чужого дыхания.

Элиана Соколова сидела перед консолью в холодном голубоватом свете двух мониторов. Было начало пятого утра. Чашка с давно остывшим крепким чаем стояла на краю стола за белой чертой, проведённой малярным скотчем, — ближе к аппаратуре ставить жидкость в «Эхе» запрещалось даже ей самой. Пальцы Элианы, сухие и точные, как у старого часовщика, едва заметно двигались над фейдерами, выискивая в шорохе вековой давности тонкую живую нить.

Справа от пульта, в специально собранном демпфированном кожухе на резиновых подвесах, вращался восковой цилиндр тысяча девятьсот десятого года. Заказ пришёл из частного собрания: тёмно-бурый валик, покрытый белёсым, похожим на морозный налёт восковым выцветом, пролежал больше ста лет в жестяном футляре на чердаке купеческого дома под Ярославлем. Имя женщины, наговорившей на него звуковое письмо, давно стёрлось с бумажного вкладыша, но её дыхание, вдавленное в хрупкие спиральные бороздки, требовало сейчас такой осторожности, словно под руками лежала открытая рана.

Тончайший сапфировый звукосниматель на лазерном подвесе скользил по воску без нажима. В закрытых мониторных наушниках Элианы шёл первородный хаос старого носителя: сухой треск микротрещин, низкий рокот неровной центровки, высокочастотный песок.

Она прикрыла глаза, мысленно раскладывая поток на полосы раньше, чем это делал спектроанализатор. Срезать инфранизкий гул привода ниже шестидесяти герц. Мягко прибрать резонансный горб раструба около полутора килогерц. Вычистить три одиночных щелчка на стыке оборота.

И тогда сквозь расчищенную брешь в стене времени проступил голос.

Он оказался совсем молодым, чуть срывающимся от волнения перед диковинным аппаратом, с мягким северным оканьем и лёгкой хрипотцой на вдохе:

«…а в саду у нас нынче снег лёг рано, прямо поверх антоновки, и Митя всё смеётся, что зима пришла без спросу, а я берегу для тебя варенье из чёрной смородины и каждый вечер слушаю, не простучат ли сани от станции…»

Элиана сидела не шевелясь, боясь собственным вдохом спугнуть эту хрупкую интонацию. Ни Мити, ни сада, ни станции, ни самой женщины не существовало уже почти век, но здесь, между её висками, смородиновое варенье всё ещё стояло в буфете, а за заснеженным окном всё ещё могли простучать полозья. В такие ночные часы работа переставала быть ремеслом и превращалась в тихое служение: пока Элиана удерживала баланс между фильтром и живым обертоном, смерть отступала хотя бы на три минуты звучания.

К семи утра, когда она сохранила резервную копию оцифровки и сняла наушники, за узким подвальным фрамужным окном под самым потолком проступил вязкий ноябрьский рассвет. Света он почти не давал — только делал серыми мокрые каблуки редких прохожих за решёткой приямка.

Элиана размяла затёкшую шею, убрала цилиндр в климатический бокс и собиралась уже включить чайник в каморке за аппаратной, когда наверху, на лестничной площадке цоколя, негромко звякнул колокольчик входной двери.

Для первых заказчиков было слишком рано, а её ассистент Антон обычно появлялся не раньше одиннадцати. Она поднялась на три ступеньки и открыла тяжёлую обитую войлоком дверь.

На пороге стоял пожилой мужчина в длинном, не по погоде тонком драповом пальто и старой кепке, которую он тут же торопливо стянул обеими руками. Редкие седые волосы прилипли ко лбу от утренней мороси. Обеими ладонями он прижимал к груди плоскую картонную коробку, перевязанную бельевым шпагатом крест-накрест.

— Простите ради бога, — проговорил он так тихо, что Элиане пришлось податься вперёд. — Там на табличке написано с десяти, я хотел подождать под козырьком, но увидел свет в окошке внизу… Вы ведь Элиана Николаевна?

— Да. Проходите, не стойте на сквозняке, — она отступила в сторону, пропуская его в сухое тепло тамбура. — Мы с вами созванивались на прошлой неделе?

— Во вторник. Пётр Ильич Верещагин.

Он вошёл с той особенной, виноватой осторожностью, какая бывает у стариков, привыкших считать себя лишними в любом современном помещении. Долго вытирал подошвы о резиновый коврик, хотя ботинки были только влажными от дождя, и никак не решался выпустить коробку из рук, пока Элиана не пододвинула ему стул у монтажного стола.

От картона пахло старой домашней библиотекой, нафталином и чуть кисловатой железной пылью старых советских лент.

— Четвёртый тип или шестой? — мягко спросила Элиана, кивая на свёрток, чтобы помочь ему справиться с неловкостью. — На девятнадцатой скорости писали?

Пётр Ильич бережно развязал узел шпагата непослушными, узловатыми пальцами, но крышку поднимать не стал — только положил сверху раскрытую ладонь, словно прикрывая живое существо от резкого света.

— Девятнадцатая, на «Комете», — ответил он и сглотнул. — Семьдесят второй год, июль. Мы тогда снимали полдома в Комарове, у самой железной дороги. Это Элеонора… моя жена. Её уже десять лет нет.

Он помолчал, глядя на потёртый картонный угол.

— Когда вы по телефону назвали своё имя, я даже вздрогнул сначала. Элиана — почти как Элеонора, только мягче, без этого твёрдого излома посередине… У меня осталась всего одна катушка. Три года назад я попробовал включить её дома — и на второй минуте на головке остался бурый налёт. Я сразу выключил. Побоялся, что осыплется совсем.

— Правильно сделали, что выключили, — серьёзно сказала Элиана. — У старой ацетатной и лавсановой основы связующий слой со временем набирает влагу. Если пустить её без прогрева и чистки, магнитный порошок просто сдерёт об стойки. Что на записи?

— Она читает стихи, — лицо Петра Ильича чуть дрогнуло, в водянистых светлых глазах мелькнула беспомощная, почти детская улыбка. — Ахматову. И смеётся немного в начале, потому что за забором прошёл дачный поезд и сбил ей строчку. Мне в двух мастерских сказали, что гарантировать ничего нельзя, предложили подписать бумагу об отсутствии претензий при потере носителя. А какая тут бумага, Элиана Николаевна… Если она сотрётся, мне больше не с кем будет вечер переждать.

Элиана осторожно приняла коробку из его рук. Она весила меньше полукилограмма, но в ладонях ощущалась тяжёлой, как чужое сердце на весах.

— Я не пущу её в обычный тракт, пока не стабилизирую ленту в сушильной камере, — пообещала она. — Сниму копию за один проход на минимальном натяжении. Оставьте телефон на бланке. Как только сделаю чистовой мастер и перепишу на свежую архивную ленту, я вам позвоню.

Пётр Ильич аккуратно вывел номер на квитанции крупными, чуть дрожащими цифрами, ещё раз поклонился от самой двери и ушёл так тихо, что войлочная створка сомкнулась почти без стука.

Днём Элиана поспала четыре часа на узком диване в задней комнате студии, а к вечеру, когда по городу пополз липкий сырой туман, вынула бобину Верещагина из термошкафа. Лента держалась лучше, чем опасался старик: пересох только внешний виток. Установив катушку на референсный немецкий магнитофон с ослабленным прижимом, Элиана включила запись в цифровую станцию с первого же оборота.

В наушниках зашумел дачный июль пятьдесят четыре года назад.

Сначала был слышен перестук уходящей электрички, тонкий звон чайной ложечки о подстаканник и мужской смех — совсем молодой голос самого Петра Ильича вполголоса просил: «Ну давай ещё раз, теперь не гремит». И сразу следом вступила Элеонора.

Голос у неё оказался удивительным — грудным, светлым, летящим без всякой актёрской позы. Она читала раннюю Ахматову так просто, будто пересказывала собственный вчерашний разговор на террасе. Пальцы Элианы привычно легли на регуляторы параметрического эквалайзера: убрать гул пятидесяти герц от старой дачной проводки, подтянуть просевшую верхнюю середину, сгладить мелкие выпадения магнитного слоя.

И вдруг на третьей минуте, поверх мягкого тембра голоса, в районе восьми тысяч герц прорезался посторонний призвук.

Он походил на тончайшую, до предела натянутую стальную проволоку, задетую ногтем. Едва уловимый сухой свист, не менявший высоты ни на вдохах чтицы, ни в паузах между четверостишиями, мгновенно разрушал всю живую теплоту записи, внося в неё что-то неживое и болезненное.

Элиана нахмурилась и остановила воспроизведение.

Свист оборвался не сразу — ей почудилось, будто доли секунды он ещё висел под кожаными чашками наушников, как остаточное послесвечение на сетчатке. Она включила узкополосный режекторный фильтр на восемь килогерц и запустила кусок заново. На спектрограмме в этой зоне лежал ровный, чистый склон без единого паразитного пика, а в ушах тонкая ледяная игла продолжала зудеть с прежней отчётливостью.

Она протёрла воспроизводящую головку изопропиловым спиртом, размагнитила тракт демагнитизатором, переключила мониторный выход на резервный усилитель. Проволока на восьми килогерцах не сдвинулась ни на миллиметр.

В половине девятого в студию спустился Антон, отряхивая с куртки дождевую водяную пыль и на ходу распутывая провод от своих наушников.

— Ты вообще домой выходила? — спросил он, заглянув через её плечо на открытый проект. — У тебя вид такой, будто ты с позавчерашней смены не вставала.

— Иди сюда на минуту, — не оборачиваясь, попросила Элиана и сняла с головы «Зеннхайзеры». — Послушай такт с третьей минуты двенадцатой секунды. Верхняя середина, примерно восемь килогерц. Скажи, откуда лезет наводка: с ленты или с предусилителя?

Антон пожал плечами, прижал наушники к ушам и уставился в потолок с тем сосредоточенным видом, которому научился у неё за полтора года стажировки. Фрагмент проиграл один раз, потом по кольцу пошёл на второй круг.

Антон опустил чашки на шею и посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— Эля, там чисто.

— Послушай внимательнее, на паузе после строки «перчатку с левой руки». Тонкий такой высокочастотный подзвон, как генератор подмагничивания.

Он снова надел наушники, прибавил громкость мониторной шины почти вдвое, прослушал до конца и покачал головой.

— Клянусь тебе, ни малейшего писка. Даже ленточный песок убран так, будто её вчера в тон-ателье писали. Ты просто пересидела на цилиндре с утра, уши «замылились». Такое бывает после шести часов на чистке верхов — слуховой нерв ловит фантомную усталость. Иди поспи нормально дома, я сам закрою студию и проверю бэкапы.

Элиана молча взяла у него наушники и аккуратно положила на сукно пульта. Под лопатками неприятно похолодело, но она заставила себя кивнуть самым будничным движением.

— Наверное, ты прав. Не трогай этот проект сегодня, я завтра на свежую голову сведу финал.

Она собрала сумку, застегнула пальто до подбородка и поднялась по узкой бетонной лестнице во двор.

Ночной город встретил её сырым ветром и привычной многослойной партитурой: за углом басовито гудел трансформаторный киоск, шипели по мокрой брусчатке шины редких машин, с проспекта доносился металлический перезвон трамвайных рельсов. Но сегодня в этой знакомой ткани что-то едва уловимо сместилось. Края звуков словно отсырели и разбухли от тумана — будто между её ушами и улицей натянули плотную фланель.

Уговаривая себя не поддаваться мнительности, Элиана свернула в переулок к метро. У чугунного фонарного столба возле закрытой булочной стоял мужчина в капюшоне и с силой тянул на себя короткий брезентовый поводок.

Элиана поравнялась с ними буквально в двух шагах и только боковым зрением заметила резкий рывок.

Крупный чёрный ротвейлер рвался в её сторону, встав на задние лапы. Жёлтые клыки обнажились в мокрой от слюны пасти, тяжёлые бока судорожно вздымались, жилы на бычьей шее надувались при каждом яростном толчке грудной клетки, от пасти в холодный воздух вылетали рваные клубы пара.

Элиана приросла подошвами к мокрому асфальту.

Она слышала низкое гудение фонарного дросселя над головой. Слышала, как шуршит подошва хозяина, упирающегося каблуком в поребрик. Но на том месте, где должен был бить по ушам высокий, хриплый, захлёбывающийся лай и металлический лязг строгача, зияла странная, вырезанная скальпелем дыра — словно кто-то резко выкрутил до нуля один конкретный канал в пульте реальности. Пёс бесновался в двух метрах от неё в пугающей, разорванной пантомиме, разевающей немую пасть.

Хозяин дёрнул поводок, уводя собаку за угол. Элиана осталась стоять под жёлтым фонарём, глядя на пустой мокрый тротуар и чувствуя, как сердце колотится о рёбра частыми, глухими толчками.

Глава 2. Фактура

О скульпторе с территории старого завода точных приборов Элиане ещё в сентябре рассказывал старый мастер по ремонту ламповых проигрывателей: тот заказывал у него массивные плиты из карельского габбро-диабаза под сверхчувствительные столы звукоснимателей, чтобы гасить паразитные вибрации перекрытий от линии метро. После бессонной ночи Элиана нашла в записной книжке адрес в промзоне за Обводным каналом и поехала туда к полудню — отчасти действительно ради тяжёлого каменного основания под фонограф, а отчасти просто потому, что боялась садиться за пульт и снова проверять свои восемь тысяч герц.

Мастерская Марка занимала угловой пролёт бывшего сборочного цеха на втором этаже кирпичного корпуса. Воздух здесь не походил на обычный уличный воздух: он стоял густой минеральной взвесью, оседавшей на ресницах, воротнике пальто и губах тончайшей сухой пудрой. Через высокие закопчённые окна с чугунными переплётами падали косые серые столбы дневного света, в которых медленно кружились частицы мрамора, базальта и гранитной слюды. Пахло мокрым камнем, машинным маслом и холодным железом.

У длинного деревянного верстака посреди цеха стоял рослый широкоплечий мужчина лет тридцати пяти в рабочей фланелевой рубашке с закатанными по локоть рукавами. На предплечьях и костяшках его крупных рук белели старые тонкие шрамы от скарпеля, покрытые свежей каменной мукой. Он не пользовался шлифовальной машинкой — размеренно вёл вручную полукруглым рашпилем по внутренней кромке тёмно-серой каменной чаши, прижав свободную ладонь к её внешней стенке.

Элиана остановилась у входа и негромко поздоровалась:

— Добрый день. Мне дали ваш номер в мастерской на Литейном…

Человек у верстака не обернулся. Даже плечи его не дрогнули. Он продолжал вести инструментом по камню с тем спокойным, замкнутым в себе сосредоточением, какое бывает только у людей, полностью защищённых от случайных вторжений.

Элиана сделала ещё два шага вперёд. Деревянная половица под её каблуком ощутимо прогнулась.

И в ту же секунду мужчина остановил руку, отложил рашпиль на войлочную подкладку и повернул голову.

Взгляд у него был тёмным, очень прямым и непривычно цепким: он скользнул сначала по её лицу, задержался на мгновение на сжатых пальцах, сжимавших ремешок сумки, и сразу поднялся к её губам. На краю верстака рядом с притирочными брусками лежал раскрытый блокнот на пружине и толстый плотницкий карандаш. Марк коснулся пальцем собственного уха, коротко, без тени неловкости покачал головой и пододвинул блокнот к ней.

«Глухой?» — чуть не сорвалось у неё вслух, и от этого внезапного совпадения со вчерашним ночным ужасом внутри всё сжалось так туго, что перехватило горло.

Для Марка мир никогда не делился на звук и картинку. Он родился в полной тишине тридцать четыре года назад и никогда не воспринимал её как нехватку или поломку. Там, где слышащие люди полагались на колеблющийся воздух, он с детства читал плотность, вес, температуру и упругое сопротивление формы. Ребёнком он долго не понимал, зачем преподаватели интерната заставляют его складывать пальцы в условные воздушные знаки, пока однажды не прижал ладонь к ключице матери и не ощутил, как человеческая речь расходится по костям живым, тёплым трепетом, в котором невозможно солгать. С тех пор камень стал для него самым честным собеседником: у каждого куска каррарского мрамора или чёрного габбро была своя память о миллионах лет подземного сжатия, свои скрытые жилы и свой внутренний тон, отзывавшийся под молотком в подушечки пальцев.

Женщина, вошедшая сегодня в цех, не походила на дизайнеров интерьеров или коллекционеров, заглядывавших сюда за садовыми формами. Она стояла у края верстака так напряжённо, будто пол под ней качался, а в её тёмных, воспалённых от недосыпа глазах при виде его жеста промелькнуло не привычное чужое смущение, а острый, почти болезненный испуг — словно она заглянула в окно дома, в который смертельно боялась переехать.

Элиана медленно выдохнула и заговорила, стараясь чётко артикулировать каждое слово, как делала когда-то при записи дикторов через стекло тон-зала:

— Вы читаете по губам?

Марк коротко кивнул.

— Мне нужна демпферная плита из плотного гранита или габбро под старый студийный аппарат. Сорок на пятьдесят сантиметров, толщиной не меньше шести. Чтобы гасила низкие частоты от сорока герц и ниже.

Он внимательно смотрел на её губы, чуть наклонив голову к плечу, затем взял плотницкий карандаш и размашистыми, точными линиями набросал на листе прямоугольную плиту со снятой фаской и тремя конусными подпятниками снизу. Под рисунком быстро написал крупным твёрдым почерком:

«Габбро-диабаз лучше гранита. Меньше внутренних пустот, не звенит на низах. Сделаю за пять дней».

Элиана смотрела на графитовый след на шероховатой бумаге и не двигалась. Потом перевела взгляд на незаконченную полую форму из матового антрацитового камня, над которой он работал до её прихода.

— А это что? — спросила она медленнее. — Акустический резонатор?

Марк проследил за её взглядом, едва заметно улыбнулся одним углом рта и написал ниже:

«Иди сюда. Покажу».

Он провёл её в дальний угол цеха, где на массивных дубовых козлах стояли три законченные чаши разной толщины, выточенные из цельных кусков чёрного камня. Поверхность самой глубокой из них была отшлифована без лака и полировки — до тёплой, почти бархатистой матовости.

Марк взял с полки тяжёлую киянку с головкой из плотной вулканизированной резины и жестом показал Элиане на бока чаши: положи ладони.

Она сняла перчатки и прижала холодные пальцы к камню. От волнения она надавила слишком сильно — побелели ногтевые лунки. Марк посмотрел ей в глаза, проверяя, готова ли она, и коротким упругим движением кисти ударил резиной по утолщённому краю сосуда.

Удар оказался почти бесшумным для ушей — глухим, коротким, без привычного медного пения тибетских чаш.

Но в ту же долю секунды чёрный камень под её ладонями ожил. Глубокая, густая, поразительно ровная волна поднялась от подушечек пальцев в запястья, прошла через локти в ключицы и мягко сомкнулась в середине грудной клетки. Элиана невольно закрыла глаза. Внутри этой каменной дрожи не было высоких частот, не было того проклятого сухого свиста на восьми килогерцах — только надёжная, неоспоримая тяжесть земной породы, подтверждавшая: мир твёрд, он никуда не провалился, за него ещё можно держаться руками.

Когда она открыла глаза, вибрация всё ещё медленно таяла между её ладонями и его пальцами, которыми он придерживал основание чаши с противоположной стороны. Марк смотрел на неё серьёзно и очень тихо — взглядом человека, сразу понявшего без всяких расспросов, что дело тут вовсе не в подставке под старый фонограф.

Элиана поспешно убрала руки, чувствуя, как к щекам приливает краска от этой нечаянной беззащитности. Она оставила задаток, записала размеры на его листке и почти бегом спустилась по чугунной заводской лестнице во двор, где уже сгущались ранние сумерки.

До станции метро «Балтийская» она дошла быстрым шагом, стараясь дышать глубже. В подземном вестибюле было людно и душно от мокрой шерсти осенних пальто. Элиана спустилась по эскалатору, встала у мраморного пилона в середине платформы и посмотрела на тёмное жерло тоннеля.

Сначала изменилось давление воздуха — из темноты потянуло сухим тёплым сквозняком приближающегося состава.

И одновременно с этим толчком воздуха внутри её правого виска что-то тонко лопнуло.

Это уже не был вчерашний тихий шорох на границе слышимости. Сквозь череп, от одного уха к другому, мгновенно натянулась раскалённая стальная струна — пронзительный, невыносимо высокий, идеально ровный звон без малейшего колебания высоты. Из тоннеля вылетел головной вагон, ударил светом фар по кафелю, заскрежетали тормозные колодки, но весь грохот подземки провалился куда-то вниз, под слой плотной ваты, а над ним, заполняя всю голову до глазниц, царил этот ледяной внутренний свист.

Элиана зажала уши ладонями. Грохот поезда исчез совсем, а звон стал вдвое громче — потому что шёл он не из тоннеля и не из воздуха, а из того места, откуда нельзя было выбежать ни на какой станции.

Глава 3. Брошюра

Утро началось раньше рассвета — с того мгновения, когда сознание вернулось из короткого тревожного забытья и сразу наткнулось на тонкую звенящую нить под сводом черепа. За ночь она не оборвалась и не ослабла.

Элиана лежала на спине в своей однокомнатной квартире на Петроградской стороне, глядя на трещину побелки возле карниза, и методично проверяла мир по списку, как проверяют каналы перед записью оркестра. За окном по мокрому асфальту прошуршала машина — низкий гул шин был на месте. В ванной комнате раз в десять секунд падала с крана капля в фаянсовую раковину — глухой стук слышался, но у него пропал привычный стеклянный хвостик разлетающихся брызг. Будто кто-то за ночь аккуратно срезал ножницами самую верхнюю кромку у каждого бытового шороха.

Она села на постели, дотянулась до смартфона на тумбочке и непослушными пальцами скачала генератор чистых синусоидальных тонов с таблицей порога слышимости — простую утилиту, которой пользовались первокурсники акустического факультета. С полки у рабочего стола взяла запасные закрытые мониторные наушники с ровной амплитудно-частотной характеристикой.

Холодная кожа амбушюр легла на уши. Элиана выставила калиброванный средний уровень громкости и запустила проверку с тысячи герц.

Чистый, ровный эталонный тон прозвучал в левом и правом канале совершенно отчётливо. У неё даже отпустило на секунду ледяной узел под рёбрами: может быть, просто спазм сосудов от остеохондроза и бессонных смен?

Две тысячи герц — ясно, без перекоса по панораме.

Три тысячи — заметно тише, словно источник звука отодвинули в соседнюю комнату и прикрыли дверь.

Четыре тысячи — едва различимое, тусклое прикосновение на самом дне восприятия.

Шесть тысяч герц. На экране смартфона ровно светился зелёный индикатор подачи сигнала, ползунок времени полз вправо, а в чашках наушников стояла глухая, мёртвая пустота, сквозь которую просвечивал только её собственный фантомный свист. Восемь тысяч — пусто. Десять тысяч — пусто. Она переключила полярность, поменяла местами правую и левую чашку, выкрутила усиление почти до болевого порога. Ни шороха. Верхняя октава её жизни, в которой жили все шипящие согласные человеческой речи, дыхание смычка по канифоли, шелест дождя по листве и воздух старых записей, за одну неделю превратилась в выжженную пустыню.

К одиннадцати утра она уже сидела в частном сурдологическом центре на четвёртом этаже стеклянного здания у Выборгской набережной, добившись приёма через окно отменённой записи.

Кабинет доктора Волкова встретил её стерильной белизной и запахом хлоргексидина — тем особым больничным спокойствием, в котором не держат ни комнатных цветов на подоконнике, ни семейных снимков на столе, чтобы взгляду пациента не за что было зацепиться в минуту приговора. Сам Илья Сергеевич Волков, сухощавый врач лет пятидесяти в безупречно отглаженном халате и тонких безоправных очках, двигался экономно и говорил ровным, раз и навсегда выверенным тоном человека, двадцать лет сообщающего музыкантам, лётчикам и диспетчерам о конце их профессии.

Сорок минут Элиана провела в сурдокамере — тесной герметичной кабине, обшитой тёмно-серыми акустическими клиньями, где искусственная мёртвая тишина давила на перепонки, как толща воды на глубине. В руке она сжимала пластиковую грушу с кнопкой. Сначала она нажимала уверенно, затем всё реже, с мучительными паузами вслушиваясь в немоту

и боясь спутать подаваемый сигнал с собственным внутренним звоном. Потом были импедансометрия, отоакустическая эмиссия и длинная серия вызванных слуховых потенциалов с электродами на висках и за ушами.

Когда она вернулась к столу, Волков развернул к ней широкий монитор.

На белой сетке аудиограммы две ломаные линии — красная для правого уха и синяя для левого — шли почти вплотную друг к другу. Начинаясь у верхней границы нормы на ста двадцати пяти и двухстах пятидесяти герцах, после двух килогерц обе кривые срывались вниз крутым, почти отвесным обрывом, уходя за отметку восьмидесяти пяти децибел на шести и восьми тысячах.

— Картина, к сожалению, достаточно однозначная, Элиана Николаевна, — произнёс Волков, касаясь кончиком авторучки места перегиба графика. — Двусторонняя быстропрогрессирующая сенсоневральная тугоухость аутоиммунного генеза. Ваша иммунная система по неустановленной причине начала атаковать не только наружные волосковые клетки кортиева органа, но и волокна спирального ганглия слухового нерва.

У Элианы пересохли губы. Она смотрела на красную и синюю ступеньки, похожие на срез берегового обрыва.

— Я работаю со звуком, — негромко сказала она, стараясь держать голос ровно. — Мне нужен точный верхний диапазон. Какие у нас варианты восстановления? Пульс-терапия, сосудистые капельницы, операция?

Волков снял очки, аккуратно сложил дужки и впервые за весь приём посмотрел прямо ей в глаза — без жестокости, но и без той спасительной лжи, за которой люди обычно приходят к врачам.

— Я не стану тратить ваше время на ложные ожидания. Ударный курс кортикостероидов мы начнём сегодня же, я распишу схему и направления на иммунологическую панель. В ряде случаев это позволяет затормозить плато на несколько месяцев. Но погибшие нейроэпителиальные структуры у человека не регенерируют. Более того, при ретрокохлеарном вовлечении волокон спирального ганглия даже кохлеарная имплантация в перспективе оказывается малоэффективной: электроду просто некуда передавать полноценный импульс.

— Что значит «затормозить на несколько месяцев»? — медленно переспросила она. — А дальше?

— По клинической динамике таких форм нисходящий сдвиг постепенно захватывает речевой диапазон от двух тысяч герц и ниже, — ровно ответил Волков. — Обычно от первых высокочастотных выпадений до глубокой или тотальной потери слуха проходит от двенадцати до восемнадцати месяцев. Иногда быстрее — при тяжёлых стрессовых нагрузках и акустическом переутомлении. Поэтому работу в наушниках вам необходимо прекратить немедленно.

В кабинете стало слышно, как тихо жужжит дроссель потолочного светильника и как за окном по набережной проехал грузовик. Эти заурядные дневные шумы вдруг показались Элиане такими хрупкими и драгоценными, будто кто-то держал их перед ней на открытой ладони за секунду до того, как сжать кулак.

Волков выдвинул верхний ящик стола, достал вместе с бланками рецептов тонкую глянцевую брошюру и положил поверх папки с результатами обследования. На обложке улыбалась седоволосая женщина с аккуратным бежевым заушным аппаратом на фоне солнечного парка, а поперёк зелёной плашки шла бодрая надпись: «Как жить со снижением слуха: практическое руководство для вас и ваших близких».

— Там на последней странице контакты курсов чтения с губ и центра социальной адаптации, — добавил врач тем же ровным деловым голосом. — Чем раньше мозг начнёт осваивать визуальные опоры, пока сохранна остаточная разборчивость речи, тем мягче пройдёт переход.

Элиана вышла на набережную, сжимая глянцевую книжечку в кулаке так, что острый сгиб врезался в ладонь. Дул сырой ветер с Большой Невки. Кричали чайки над тёмной водой —

она ещё слышала их гортанные вскрики, но верхний резкий излом в их крике уже казался стёртым ластиком. Всё, чем она была девятнадцать лет со дня ночной находки отцовской бобины, — её слух, её профессия, её способность удерживать мёртвых на тонкой магнитной кромке — получило сегодня казённый срок годности в полтора года и список телефонов доверия на мелованной бумаге.

Она сама не заметила, как ноги привели её к проходной старого завода за Обводным каналом. До закрытия цехов оставался час.

Толкнув тяжёлую дверь мастерской на втором этаже, Элиана остановилась у порога. Марк работал у окна над белой мраморной заготовкой. Уловив движение воздуха и полосу сквозняка из коридора, он обернулся — и сразу отложил скарпель.

Она не пыталась ничего объяснять. Просто подошла к верстаку, разжала побелевшие пальцы и бросила смятую цветную брошюру в серую каменную пудру рядом с его блокнотом.

Марк опустил взгляд на глянцевую обложку, прочёл заголовок, потом медленно поднял глаза на её лицо. Ни испуга, ни суетливой жалости в них не появилось — только мгновенное, тяжёлое понимание. Он обошёл верстак, осторожно стряхнул мраморную пыль со своих ладоней о рабочую рубашку и положил обе руки ей на плечи.

От его ладоней шло спокойное сухое тепло. Но, глядя в его тихие тёмные глаза, Элиана впервые ощутила не вчерашнее облегчение, а ледяное головокружение: то пространство безмолвия, в котором этот человек жил спокойно и цельно, как рыба в глубине, для неё надвигалось как затопление отсека, где кончается воздух. Она открыла рот, пытаясь выговорить хоть слово, но горло перехватило спазмом — и её беззвучный крик повис между ними в столбах каменной пыли.

Глава 4. Мост из камня

Весь конец ноября и первую половину декабря Элиана училась жить на два несовместимых мира.

Днём, глотая расписанные Волковым горькие таблетки преднизолона, от которых лицо по утрам слегка отекало, а в груди стояла неприятная дрожь, она по четыре часа сидела в «Эхе» с убавленной до минимума громкостью мониторов, стараясь закрыть старые архивные долги и ничем не выдать себя перед Антоном. А по вечерам ехала через весь мокрый, продуваемый ветром город на завод точных приборов.

Марк не расспрашивал её о медицинских выписках и ни разу не предложил утешительных глупостей вроде «всё ещё обойдётся». Вместо этого он начал учить её тому, чем владел сам с рождения, — читать город подошвами и ладонями.

В первый такой вечер они вышли с заводского двора к чугунным перилам старого моста через канал. Моросил мелкий ледяной дождь со снегом. Марк снял варежку, положил её руку поверх мокрого, в кавернах старой краски чугунного поручня и кивнул в сторону проспекта.

Через несколько секунд Элиана почувствовала под пальцами далёкую упругую дрожь металла — раньше, чем увидела за поворотом жёлтый лобовой фонарь трамвая. По мере того как вагон приближался к мосту, мелкая зыбь в чугуне наливалась весом, переходила в отчётливый ритмичный перестук на стыках и отдавалась прямо в локтевую кость.

Когда трамвай прогрохотал мимо них, разбрызгивая чёрную снежную кашу, Марк достал из кармана куртки маленький блокнот и написал под светом фонаря:

«У пустого вагона шаг частый и сухой. У полного — мягкий, длинный, как у гружёной баржи».

Элиана невольно улыбнулась сквозь воротник шарфа и проговорила, поворачивая лицо к свету, чтобы он видел её губы:

— Ты слушаешь рельсы точно так же, как я слушаю ленту.

Он прочитал, чуть прищурился от снежной крупы и дописал ниже:

«Только моя лента не рвётся».

Постепенно она освоилась в его высоком полутёмном жилье, устроенном прямо на антресольном ярусе за мастерской: деревянная лестница без перил, железная печка-камин, полки с альбомами по романской пластике и геологии, широкое окно во внутренний колодец заводских корпусов. Здесь не было дверного звонка — вместо него при нажатии кнопки внизу под потолком коротко вспыхивала и гасла матовая лампа тёплого спектра. Будильник Марка лежал ночью под подушкой в виде плоской виброшайбы, а закипающий на плитке чайник он определял за пять шагов по тому, как начинала мелко подрагивать сосновая столешница.

В одну из декабрьских суббот, когда за окном наконец лёг первый настоящий снег, Марк принёс со старого блошиного рынка на Удельной свёрток из серой обёрточной бумаги и молча поставил перед ней на стол.

Внутри оказалась тонкостенная белая фарфоровая чашка старого ленинградского фарфора с едва потёртой золотой отводкой по самому краю.

— Зачем такая хрупкая? — удивилась Элиана, осторожно поднимая её на просвет: стенки просвечивали тёплым молочным оттенком, повторяя очертания её пальцев. — У тебя же здесь кругом камень и железо.

Марк налил в чашку кипятка с сухим чабрецом, обхватил её пальцы своими крупными ладонями и прижал к тонкому фарфору. Стенка была настолько невесомой, что передавала малейшее движение горячей воды внутри и лёгкое потрескивание разворачивающихся чайных листьев.

«Толстая керамика глухая, — написал он на листке у сахарницы. — А тонкий фарфор держит тепло ладоней и сразу отвечает. Забери её к себе на кухню, чтобы утром не пить из казённого стекла».

В ту ночь она впервые осталась у него до утра. Лёжа в темноте щекой на его груди, Элиана слушала здоровым нижним регистром глухие, ровные удары его сердца под кожей и почти верила, что у них действительно получится выстроить на двоих этот тихий берег, куда не достанет ни больничный хлоргексидин, ни сухой свист умирающего нерва.

Утром в воскресенье, когда они пили чай за верстаком, лампа над дверью мигнула три раза подряд — резко, коротко, не так, как нажимали случайные курьеры.

Марк сразу переменился в лице: спокойная мягкость ушла из скул, плечи чуть собрались. Он достал телефон, прочитал сообщение и показал экран Элиане.

«Я внизу на парковке, не поднимаюсь, чтобы не собирать твою пыль на пальто. Жду вас с Элианой сегодня к семи у себя. Собрал в лаборатории кое-что рабочее по её профилю, хватит играть в средневековье. Лука».

— Твой брат? — спросила Элиана, возвращая телефон. Марк упоминал о нём лишь вскользь: старший на четыре года, известный в городе инженер по архитектурной акустике, проектировавший филармонические малые залы и коммерческие тон-студии.

Марк кивнул, взял карандаш и после короткого колебания написал на полях газеты:

«Лука хороший человек. Просто он всю жизнь уверен, что моё рождение — это чертёжная ошибка, которую он однажды исправит. Не позволяй ему разбирать себя на детали, если не захочешь сама».

Элиана посмотрела на строчку про «кое-что рабочее из лаборатории», и в груди против её воли шевельнулась слабая, острая, ещё не добитая надежда слышащего человека.

— Давай съездим, Марк, — тихо попросила она, касаясь его запястья. — Всего на один вечер. Вдруг он правда нашёл способ удержать хотя бы середину?

Марк долго смотрел на её пальцы на своём рукаве, затем молча накрыл их ладонью и кивнул.

Глава 5. Подвал и дерево

За два дня до поездки к Луке Элиана впервые привела Марка в «Эхо».

Был поздний пятничный вечер; Антон уехал на выходные к родителям в Гатчину, а на улице мело так густо, что двор-колодец на Петроградской казался засыпанным до половины первого этажа. Спускаясь впереди Марка по узким бетонным ступеням приямка, Элиана вдруг остро заволновалась — будто впускала постороннего не в рабочее помещение, а внутрь собственной грудной клетки.

Она отперла оба замка нижней железной двери, откинула внутренний штыревой засов, которым запирала тамбур на ночь, и зажгла мягкий боковой свет в аппаратной.

Марк переступил порог, пригнув голову под низкой притолокой, и медленно огляделся.

В заводском цеху вокруг него всегда было много пустого холодного воздуха и высокого гулкого камня; здесь же пространство обступало вплотную, плотное, тёплое, обшитое тёмно-серыми пирамидами поролона и деревянными диффузорами. Он снял куртку, подошёл к длинной консоли и осторожно, одним кончиком указательного пальца провёл по бархатной пылезащитной накладке вдоль ряда фейдеров, потом перевёл взгляд на стеклянный шкаф с катушками и старый отечественный «Олимп» в углу на отдельной подставке — как раз на той чёрной плите из карельского габбро-диабаза, которую он выточил для неё в ноябре.

Элиана встала рядом с ним под светом лампы.

— Это магнитофон моего отца, — медленно сказала она. — С него всё началось, когда мне было двенадцать.

Марк прочитал по её губам, опустился на корточки перед старым аппаратом и приложил ладонь к полированной стальной лицевой панели, словно здоровался со старшим мастером в чужом цеху. Потом выпрямился, достал из кармана свой походный блокнот и написал:

«Здесь воздух совсем стоячий, как в глубокой пещере. Как ты выдерживаешь по десять часов без окон?»

— Раньше мне не нужны были окна, — ответила она с кривой усмешкой. — Когда закрываешь глаза в наушниках, комната раздвигается до размеров того места, где делали запись. Хочешь, покажу, как звучит моя работа на твоём языке?

Марк с любопытством кивнул.

Элиана подошла к стойке дальнего поля, сняла защитную тканевую решётку с нижнего пятнадцатидюймового бумажного диффузора сабвуфера и жестом позвала Марка ближе. Загрузила с жёсткого диска оцифровку пятьдесят девятого года — сольную сюиту Баха для виолончели, записанную в пустом лютеранском храме в Риге на один ламповый микрофон.

— Не дави сильно, — предупредила она, беря его широкую правую кисть и подводя раскрытые пальцы почти вплотную к упругому чёрному подвесу динамика. — Просто держи на самом краю хода.

Она плавно вывела мастер-фейдер вверх.

Тёмное густое «соль» открытой басовой струны наполнило подвал. На этих ста тридцати герцах уши самой Элианы ещё слышали виолончель почти без потерь — только канифольный шорох волоса на самом верху стал суше прежнего. А под пальцами Марка плотная целлюлозная мембрана задышала живыми, длинными, тёплыми толчками, повторяя каждое движение смычка полувековой давности, каждую перемену нажима музыканта, давно лежавшего в земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.